

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.)

Сгушавшаяся тяжкая атмосфера на строительстве заставляла отца искать прибежища в семье и в любви матери, с которой возвращалось счастье безмятежных детских лет. Характерно в этом смысле его письмо к матери от 30 сентября 1936 года:

«Милая ненаглядная мамочка!

Получил твоё письмо от 25/IX и вообще все твои письма аккуратно получаю... Жажу побеседовать с тобой, повидать тебя... Ведь миллионы людей прожили, умерли, так и не узнав счастья, а мы им опивались в детстве... Ей-Богу, ты не смейся, но ты с истинной гениальностью создала целый воображаемый и ослепительный Мир, всё пропустила через себя, через свой живой ум и яркий темперамент, слепила этот Мир из музыки, живописи, фактов, природы, существующих и «воображаемых» людей, облагородила и подняла на истинно человеческую высоту целый ряд понятий – Родина, честь, мужество, любовь – привлекла лучшие образы литературы. Всё это очистила, отобрала, осветила и вовлекла нас в настоящий этот рай... Память о чистом и прекрасном сне помогает мне сохранять бодрость, всегда чувствовать всем сердцем прекрасное, помнить всегда твои золотые заветы (а они всегда были умные, живые, реальные, не догматические), всегда стремиться быть честным, и мужественным, и справедливым... Этот мир где-то глубоко-глубоко всегда звенит, всегда вдали сияет... Ты себе представить не можешь, до чего жив, понятен и соблазнительен этот мир. Иногда, вдохновлённый воспоминаниями, слабо подражая тебе, я стараюсь дать понять о существовании Мира Жене – и глаза её загораются, она вся – внимание, как будто я приоткрыл кусочек завесы, но я не способен, не умею открыть всё – и умолкаю, горюя о потерянном рае и об ней, и обо всех бедных, не бывших там, не пивших из чаши Грааля! Ну, до свидания, дорогая волшебница. Люблю тебя больше жизни и ныне, и присно, и во веки веков. Целую тебя без конца, и сам недоволен, что волну тебя своими письмами.»

Некоторые подробности о том периоде изложил в своём очерке В.П. Наумченко:

«Однако при проходе шахт горняки встретились с непреодолимыми трудностями. На глубине 25–30 метров начались плавунки с большим содержанием серной кислоты. Насосы и трубы выходили из строя буквально за несколько суток. Вся надежда возлагалась на проходку штольни, которая должна была дренировать подземные агрессивные воды месторождения. Проходкой штольни руководил молодой горный инженер Борис Андреевич Шейкин. Для ускорения проходки применялась самая современная по тому времени техника – рудопогрузчики «Эмко», электровозы и др. Одновременно со строительством рудника широким фронтом велись работы по строительству жилых посёлков в Ракитянке и на 10-м разъезде, подъездных путей, социально-культурных учреждений и подсобных предприятий...»

Но не была ещё решена важнейшая проблема по использованию серных газов, выделяемых в огромных количествах при плавке руды, содержащей более 40 % серы. Эти окислы серы крайне отрицательно воздействуют на окружающую среду и способны уничтожить всю растительность в радиусе нескольких километров. По инициативе П.П. Евангулова и главного металлурга Г.К. Маковского был разработан новый метод плавки с получением элементарной серы в специальных установках. Это спасло растительность города от гибели, имевшей место на многих медеплавильных заводах Урала».

В развитие работ по созданию медно-серного комплекса 2 июня 1936 года был заложен фундамент медеплавильного химического комбината, «общий объём здания которого был предусмотрен в 550 тыс. куб. метров».

Рудник к этому времени «каждые сутки начал выдавать около 3000 т руды, пока на один из Уральских заводов. Предполагалось начало работы рудника на полную мощность с годовой добычей до 1100 тыс. т, к моменту пуска первой очереди комбината в мае

1937 года...» (Кольцов В., Карташов А. Горизонт// Оренбургская коммуна. 1936. 2 августа). По трагической иронии именно май-июнь 37-го года явились заключительными месяцами полного разгрома строительства с арестом практически всего руководства и инженерно-технического контингента, хотя, судя по темпам, сроки по созданию основных элементов стройки выполнялись:

«К середине 1936 г. на площадке строительства были проложены 20 км временных железнодорожных линий. В мае начался монтаж оборудования электростанции комбината общей мощностью 14 тыс. кВт, работали вспомогательные предприятия: кирпичный 3-д производительностью 11 млн кирпичей в год, 2 лесопильных 3-да, деревообделочные мастерские и др. (Блявинский медно-химический комбинат // За индустриализацию (Москва). 1936. 9 апреля)».

Одно из последних папиных писем датировано 23 января 1937 года. Он пишет, что по возвращении из Москвы, куда он ездил под Новый год, он застал сильно испорченные людские отношения, мешающие работе, но, тем не менее,

«дела стройки хороши. Смотришь и дивишься – неужели это мы на голом месте настроили! Целый город – 30000 жителей у нас, в школах учатся 3000 ребят, больницы, аптеки, магазины. Всё освещено электричеством, ходят поезда, автомобили. Громадные корпуса заводов... Скоро уж и конец. Ещё работы настоящей самое большое на год. Потом пойдёт лёгкая – доделка, настройка. Всё равно созданный организм будет жить».

По мере приближения завершения создания комбината увеличивалось нервное напряжение адреналин измотанных людей, нарастало и беспокойство, сквозившее в письмах отца.

«11 марта 1937 года. Милая мамочка! Получил твоё письмо... Как раз вчера ночью я думал, во-первых, о том, какое счастье, что моя жизнь вся почти у самого заката (ведь дядя Саша умер, бедный, 50 лет, а мне 46!) прошла при тебе... Во-вторых, ...как посмотришь на прохвостов, лицемеров, подлецов, предателей, которыми кишмя кишит мир, так, ей-Богу, оценишь это ощущение душевной чистоты, которое носишь. Вот почему, несмотря на суровое время, несмотря на то, что, например, Георг. Констант. (Г.К. Маковский – Е.Е.), я уверен, совершенно зря под подозрением – я всё же чувствую себя легко и бодро. Великое дело – чистая совесть! Поэтому, мамочка, думай обо мне весело.

Как мне ни трудно приходится, тружусь и делаю хорошо прекрасное предприятие на благо родине.»

Казалось непостижимым, что после всех широковещательных публичных заявлений, на фоне титаническими усилиями и темпами развивающегося строительства и рудника, через несколько месяцев разыграется трагедия: всё руководство и подавляющее большинство ведущих и рядовых инженерно-технических работников будут обвинены во «вредительстве» и сгинут в застенках НКВД.

Те же газеты теперь послушно начали извергать нецензурную брань. Описывались кровавые инсценировки карательных процессов практически на всех крупных стройках и горнорудных разработках страны. Были тут и комбинат Кузнецкого бассейна, и Балхашстрой, и металлургический комбинат Орска и так далее.

Из книги оренбургского писателя В.Г.Альтова, работавшего в конце 1980-х в архивах КГБ города Оренбурга:

«Вернувшись с актива, Кудиш (Кудиш Бронислав Юльевич (1894-1937) – директор «Ормедьзолото» с 1933. Ок. Юр. Фак. Московского университета; член ВКП(б) с 1919. В 1920-х – дипломат, партийный работник. Арестован в марте 1937 года, расстрелян в сентябре 1937) на рассвете улетел в Москву искать защиты в Наркомтяжпроме. Серебровский пытался поддержать опытного руководителя... Но тут же из Оренбурга в Москву пошла «казённая бумага», где говорилось, что «...Серебровский А.П. необоснованной поддержкой Кудиша затруднил своё своевременное разоблачение».

Б.Ю. Кудиша арестовали 30 марта 1937 года. А затем были репрессированы другие руководи-

тели, всего 20 человек, которых теперь называли не иначе, как «банда Кудиша»... Освобождённые от работы прямые виновники аварии в штольне... написали злобное письмо, поливали грязью «ещё не посаженных врагов...» (Альтов В.Г. Медногорск. Южно – Уральское книжное изд-во, Челябинск, 1989. Из глав «Трудные годы» и «Первая сера, первая медь». СС. 77-81.)».

Снова В.Г. Альтов:

«Дольше других продержался на строительстве Павел Павлович Евангулов – он был настолько уважаемым человеком на стройке, что на него не решались написать донос».

И, как итог:

«Оставшаяся практически без квалифицированного руководства стройка сбилась с хорошего ударного ритма. План 1937 года был завален. Так и не смогли завершить сооружение опытного завода...».

В середине 1930-х годов начались показательные судебные процессы над «врагами народа». Массовыми стали случаи, когда внезапно исчезали без всяких судов целые семьи. Тем временем мы, школьники, до тошноты зазубривали «Историю ВКП(б)» с упоминанием через строчку имени «вождя народов». В школе царил атмосфера вражды и подозрительности. Детям предлагалось отказываться от родителей – «врагов народа». К чести нашей школы в Б.Вузовском переулке должна сказать, что когда одна комсомолка публично отреклась от своих родителей, мы, полудетским сознанием ощущая происходящее, подвергли её остракизму.

До сих пор при встречах с бывшими школьниками вспоминаем иногда историю, произошедшую с нашей замечательной учительницей русского языка Марией Алексеевной Крыловой. Перед окончательным уходом из школы ей выхлопотали персональную пенсию. Однако по доносу стало известно об участии Крыловой в забастовке учителей 1920-х годов. В результате у неё не только отняли пенсию, но и начали таскать по комиссиям и всяким учреждениям. Придя в отчаяние и не снеся унижений, она на 60-м году жизни повесилась.

Попутно расскажу о другой учительнице, преподававшей нам основы математики во 2-3 классах, – Вере Аркадьевне Сапожниковой. Наряду с Марией Алексеевной и Анной Гавриловной Барковой, нашей «классной дамой», она была одной из встретивших нас – оробевших бузотёров, явившихся впервые в школу прямо во второй класс. Все три подавили нас своей грузностью, великовозрастностью (близко к 50-ти), интеллигентностью и строгостью. Позже мы поняли, какие это были непревзойдённые учителя и сколько сумели с первых же шагов заложить в наши головы стоящего.

Между тем, родная сестра Веры Аркадьевны – Тамара Аркадьевна Сапожникова – была арестована за принадлежность к католической Абрикосовской общине, разгромленной в ноябре 1923 года, и находилась в заключении на Соловках (Резникова И. Православие на Соловках: Материалы по истории Соловецкого лагеря. – СПб., 1994. с.34).

В январе 1937 года отец, страдаемый беспокойством за оставленное на короткий срок строительство, томимый предчувствием беды, бесконечно усталый и измученный, уезжал из Москвы, пока без мамы. Зимним вечером мы провожали его на вокзале, и я почему-то никак не могла унять слёзы. В последний раз видела отца...

В ночь с 23 на 24 мая 1937 года папа был арестован, именно 23 и 24 мая датированы последние папины письма жене и матери, отосланные – одно из дома, где шёл обыск, другое – с железнодорожного вокзала.

«23 мая 1937 года.

Милая Ниночка!

Сегодня я арестован по ордеру Оренбурга. К.Н. Дуку (Дук К.Н. – главный инженер, сменивший отца и арестованный через месяц после него) я дал заявление, чтобы он выдал и послал тебе деньги (жалованье – компенсацию за 1936-1937 годы) – этого тебе должно хватить. Пожалуйста, не беспокойся – я здоров совершенно и чувствую себя хорошо совершенно.

Жене желаю хороших экзаменов. Целую крепко всех, маму, Женю.

Твой Павлуша».

(Продолжение в следующем номере).